

Реабилитация

Еще до съезда, на заседании Президиума ЦК 30 января 1956 года отец предложил пересмотреть все «политические» приговоры и пересмотреть быстро, без волокиты. Ворошилов было засомневался, стоит ли торопиться? Но его не поддержал даже Молотов. Создали

специальные комиссии по реабилитации, наделенные широчайшими полномочиями «от Президиума Верховного Совета СССР». Президиум ЦК постановил направить их в лагеря ГУЛАГа, чтобы на месте, без волокиты освободить невинно осужденных. За их деятельностью надзирала Центральная комиссия Президиума ЦК.

Решение Президиума ЦК от 30 января 1956 года – это не первая попытка Хрущева освободить политических заключенных. 4 мая 1954 года Президиум ЦК КПСС уже создавал комиссии по реабилитации, и центральную, и местные, но дело шло медленно, а к 1956 году процесс реабилитации забуксовал в юридических проволочках, бесконечных дебатах: виновен – не виновен, освобождать – не освобождать. Когда Генеральный прокурор Руденко очередной раз доложил, как обстоят дела, отец возмутился: «Люди явно ни в чем не виновны, а мы еще над ними издеваемся». Сталин в свое время объяснял, что, если из десяти осужденных только один окажется «врагом», то органы не зря едят свой хлеб, «лес рубят – щепки летят». Отец считал, что, если среди «щепок» какая-то окажется и с гнильцой, то из-за нее невозможно удерживать в заточении всех остальных. После этого разговора с Руденко и появилось решение от 30 января 1956 года о «немедленном освобождении политических». Теперь отец во главе Центральной комиссии поставил Микояна. Членами комиссии утвердили Аристову с Кириченко, а также Генерального прокурора СССР Руденко и назначенного на том же заседании министром внутренних дел Николая Павловича Дудорова.

30 января 1956 года под грифом «Строго секретно» было принято Постановление Президиума ЦК КПСС «Об осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы»: «Принять предложение тов. Хрущева о создании партийных комиссий (троек) и командировании этих комиссий в лагеря, наделив их полномочиями от Президиума Верховного Совета СССР для рассмотрения дел лиц, отбывающих наказание за преступления политического характера и должностные преступления, и решения на месте вопроса об их освобождении. Поручить тт. Микояну, Аристову, Кириченко, Руденко и Дудорову разработать порядок работы партийных комиссий (троек)».

«Я возглавил Комиссию по реабилитации, – вспоминает Микоян. – Мы послали, кажется, 83 комиссии в наиболее крупные поселения ГУЛАГа. Туда же привозили заключенных с мелких объектов этой структуры. Всю организационную работу в этом отношении провел для меня Снегов, который знал географию лагерей. Вызывали, например, всех, осужденных за вредительство, и объявляли им, что они реабилитированы, выдавали документы и освобождали, обеспечивали им транспортировку по домам. Или по статье за подготовку террористического акта против Сталина, либо кого-либо еще из правительства (в качестве казуса Снегов, работавший в самой крупной комиссии, рассказывал мне, что были там и такие, кто сидел за то, что покушался на жизнь Берии, расстрелянного за два с лишним года до того!). Так мы добились, что сотни тысяч людей были освобождены немедленно. Даже возникла необходимость в дополнительных пассажирских поездах.

12 марта 1956 года на Президиуме ЦК заслушали отчет комиссии и установили срок окончания пересмотра всех дел: 1 октября 1956 года. Одновременно расширили состав Центральной комиссии, чтобы она успела «обработать» всех реабилитированных в срок. Микояна, занятого множеством дел в Совете Министров, в качестве руководителя комиссии сменил Аристов, его обязали на ближайшие полгода ни на что иное не отвлекаться.

К концу 1956 года ГУЛАГ практически обезлюдел, по мере того как его основной контингент – политические – обретали свободу, один за другим закрывались лагеря, ставшая ненужной охрана тоже возвращалась на «большую землю», только пустые бараки, окруженные колючей проволокой, напоминали о «вчерашнем дне» нашей истории.

Сколько на совести Сталина загубленных жизней, точно не знает никто. Не знал этого и отец в 1956 году, не знают и потомки, для которых Сталин уже далекая история. Солидный ученый, известный советско-российский социолог Александр Шубин ссылается на данные

КГБ СССР, согласно которым «в 1930–1934 годах репрессиям подверглись 3 миллиона 778 тысяч 234 человека, из них 786 тысяч 098 расстреляны, остальные отправлены в лагеря. В 1937–1938 годах за государственные преступления арестовали 1 миллион 344 тысячи 923 человека, из которых 681 тысяча 231 приговорены к смерти. В 1934–1953 году в лагерях умерло еще более 1 миллиона 127 тысяч человек», – как считает автор, половина из них политические.

Одни историки считают даже эти представленные органами цифры завышенными, другие полагают, что они не отражают всего масштаба происходившей катастрофы. По мнению последних, за двадцать лет, прошедших от убийства Кирова в 1934 году до кончины самого Сталина в 1953-м, было вынесено 52 миллиона обвинительных приговоров по политическим мотивам, 6 миллионов человек выслано в весьма отдаленные места безо всяких приговоров и еще 2 миллиона расстреляно по решению «троек» или просто по личному указанию Сталина, так, как это произошло, к примеру, осенью 1941 года.

Другими словами, пострадало почти сорок процентов населения Советского Союза, без малого каждый второй. Цифра жуткая, но звучит она более реально, чем «щадающая» статистика КГБ. Люди моего возраста знают, что тогда репрессии коснулись всех, в каждой семье кого-то недосчитались – кого забрали, кого сослали, кого прибили. Я понимаю, найдутся желающие оспорить эти цифры, но оспаривать можно все, даже восход солнца. Имелась бы охота.

5 марта 1956 года, день смерти Сталина, впервые не отметили ни похвальными статьями в газетах, ни портретами на улицах городов.